

БЕЗ ГРИФА «СЕКРЕТНО»

**ЮРИЙ
ГАЙДУК**

СПАС НА КРОВИ

Юрий Гайдук
Спас на крови

«Издательство АСТ»

2020

Гайдук Ю.

Спас на крови / Ю. Гайдук — «Издательство АСТ», 2020

В основу этого романа положены реальные события, произошедшие в советской и постсоветской России, с которых был снят гриф «Совершенно секретно». За семью печатями хранились эти тайны. Но если секрет знают двое — это уже не секрет. Эту истину доказывают и события, произошедшие в романе, и реальная жизнь. Расследование громкого убийства американского эксперта возвращает сотрудников следственного отдела к событиям 30-х годов. В тот период американцы поставляли России сельхозтехнику, которая с завидным постоянством ломалась, не успев добраться до полей. Сначала руководство страны заподозрило колхозников в саботаже. Но со временем все выяснилось. Сталин приказывает за халтуру платить той же монетой. А вот какой?..

Содержание

Пролог	5
Часть I	11
Глава 1	11
Глава 2	16
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Юрий Гайдук

Спас на крови

Пролог

НЬЮ-ЙОРК, США, 2009 год. Газета «Новое русское слово» ВЕРНЕТСЯ ЛИ «СПАС» В РОССИЮ?

Открывается предварительный осмотр аукциона, который проводит художественная галерея «Джорджия», более известная как галерея Георгия Лазарева. Известного коллекционера шедевров русской живописи и собирателя старинных икон, КОТОРЫЙ вынужден был из-за гонений советских властей и притеснений со стороны КГБ покинуть свою родину.

На этот раз на аукционе будут представлены иконы, принадлежавшие русским эмигрантам, так называемой первой волны. Иконы, на которые молились, которые избежали страшной участи быть сожженными в костре большевистской революции и не менее горькой участи – найти забвение в прогнивших хранилищах советских музеев. Это старинные иконы самых разных школ, и все-таки изюминкой аукциона будет «Спас» Андрея Рублева, которым в годы сталинской коллективизации «отец народов» и его приближенные расплатились за трактор «Фордзон» и партию сенокосилок, поставленных в СССР известным промышленником и бизнесменом Армандом Хаммером.

Как нам стало известно из достоверных источников, за «Спас» Рублева намерен бороться граф Иларион Воронцов, решивший подарить икону новой, возрожденной России.

Так вернется ли «Спас» в Россию?

* * *

Часы показывали время ланча, когда Державин наконец-то закончил детальное изучение протоколов многочисленных экспертиз, проведенных по «Спасу» Рублева, еще раз перечитал «паспорт» и проводные документы на икону и, отложив всю эту кипу бумаг на край стола, нажал кнопку звонка вызова главного смотрителя. Поблагодарив его кивком головы за предоставленную возможность поработать в тишине служебного кабинета, вышел в просторный зал с искусственной подсветкой, где шел монтаж сигнализации и бронированных стендов для предварительного осмотра заявленных на аукцион икон.

Его обуревали противоречивые чувства.

Уж в который раз за это утро подошел к стенду, с которого на него, с неммым укором во взгляде смотрели глаза Спасителя, и долго, очень долго стоял перед ним, не в силах оторвать взгляда.

– Что, всё еще сомневаетесь? – раздался позади него слегка простуженный голос главного смотрителя, в котором прослеживался характерный акцент человека, долгое время прожившего на Брайтоне. – Так можете не сомневаться. Этот Рублев из запасников великого Хаммера, а он, как вам известно, в своем хозяйстве фальшак не хранил. Так что можете передать господину Воронцову – не прогадает.

«Ишь ты, хорек брайтонский! – покосился на смотрителя Державин. – Рублев для него – просто «этот», зато Хаммер – «великий».

Однако надо было соблюдать беспристрастие искусствоведа международного класса, и Державин произнес тоном дипломата, который менее всего расположен вступать в дебаты:

– Работа у меня такая – сомневаться. Что же касается окончательного решения относительно «Спаса»... Передайте господину Лазареву, что Иларион Владимирович обязательно сообщит ему в ближайшее время. Всего наилучшего. – Круто развернулся и, сопровождаемый двумя мордovorотами-секьюрити, вышел из смотрового зала галереи на Бродвей.

Нью-Йорк заливало брызжащее апрельское солнце, и сейчас самое бы время погулять по аллеям Центрального парка или посидеть в открытой кафешке за столиком, подставив лицо теплым солнечным лучам, но об этом можно было только мечтать. «Граф Иларион», как он величал порой своего друга Воронцова, ждал от него окончательного слова по поводу доаукционной покупки «Спаса», а он, крупнейший знаток русской иконописи Игорь Державин, не знал, что ему сказать, что посоветовать.

Да, это был, вне всякого сомнения, «Спас» Андрея Рублева, и в то же время...

Державин и сам не мог до конца понять, что именно мешает ему дать «добро» на покупку этой бесценной реликвии, чтобы она смогла в конце концов возвратиться в Россию. И злился от этой собственной раздвоенности и на себя, и на Воронцова, который торопил его с ответом. Впрочем, к этому его поспешанию, когда граф более ни о чем не мог думать, кроме как о приобретении Рублевского «Спаса», были свои, причем довольно веские причины.

Год назад простившись со своей Анастасиюшкой, урожденной графиней Шереметьевой, которая мечтала быть похороненной в России, на Донском кладбище, в Москве, где были похоронены ее предки, Иларион Владимирович поклялся выполнить ее посмертное желание и только выжидал удобного момента, чтобы обратиться с этой просьбой лично к российскому президенту. А тут вдруг – аукцион, на котором будет выставлен «Спас» Рублева. По замыслу Воронцова, было бы хорошо вернуть его в Россию вместе с прахом его «графинюшки». Сопровождавший икону «паспорт» и акты экспертиз именитых экспертов по древнерусской иконописи были в полном порядке, и все-таки последнюю точку должен был поставить он, Игорь Державин, эксперт по искусству с мировым именем и самый близкий друг Воронцова. Казалось бы, всё в порядке, осталось только сказать «Да!», однако именно это он и не мог произнести, изводя и себя, и Воронцова непонятными сомнениями.

От всех этих мыслей настроение испортилось окончательно, и он, уже подходя к машине, достал из кармашка мобильный телефон. Воронцов, похоже, только и ждал этого звонка.

– Ну? – негромко выдохнул он.

Надо было на что-то решаться, и Державин все-таки заставил себя сказать то, о чем Воронцов даже слышать не хотел:

– Прости, Иларион, но боюсь, что это все-таки гениальная подделка.

Продолжительное молчание и, наконец, язвительно-снихождительное:

– Гениальная подделка, впаянная Хаммеру советским правительством? Да ты хоть понимаешь, ЧТО ты говоришь?

– И все-таки, боюсь, что это действительно так.

Однако Воронцов, казалось, даже не слышал Державина.

– Тому самому Хаммеру, который сам раздел Россию на миллионы долларов и даже не поморщился при этом?

Чтобы не вдаваться в пустую полемику, Державин только плечами пожал. Мол, и на старуху бывает проруха. К тому же тридцатые годы прошлого века – это хоть и хваткий, но все-таки еще не оперившийся Хаммер, который по определению не мог знать, что такое – иконы письма Андрея Рублева, потому что подобные тонкости на тот момент вообще мало кто знал.

– Хорошо, пусть будет по-твоему, – словно прочитав мысли Державина, согласился с ним Воронцов. – Но ведь письмо Рублева подтверждают не только «проводные» документы, но и современная экспертиза, а это, согласись...

– И все-таки я бы воздержался от покупки.

Но почему? – взвился Воронцов. – Почему не Рублев?

– Да потому, что такого просто не может быть.

– Объяснись!

– А чего тут объясняться? Ты и без меня прекрасно знаешь, что каждая икона Рублева, каждая его работа давно нашли каждая свое место.

– Но ведь находят же неизвестные доселе картины известнейших мастеров! – уже чуть ниже тоном, но все еще с твердым убеждением в своей правоте произнес Воронцов. – Находят! Так почему бы не выплыть из небытия еще одному «Спасу»? Тем более, – привел он свой последний довод, – что это были мутные двадцатые годы, когда большевички подчищали все, что могли, и добирались порой до таких отдаленных скитов, что даже представить себе невозможно.

– Послушай, Иларион, – устало произнес Державин, – во все это просто невозможно поверить. Это раз. И второе. В те же двадцатые и тридцатые годы в России были такие умельцы, что...

– А ты все-таки поверь! Поверь! – посоветовал Воронцов. – Тем более что кто-то из старообрядцев незадолго до революции уже описал подобный случай, когда в частном иконостасе был найден настоящий Рублев.

– Но это, положим, редчайшее исключение.

– Хорошо, пусть будет исключение, – продолжал давить Воронцов. – Но почему бы подобному исключению не повториться еще раз?

Понимая, что графа не переубедить, Державин обреченно вздохнул и, как бы ставя точку в разговоре, произнес:

– Теоретически, конечно, возможно все. Но в таком случае этот «Спас» требует дополнительной проверки.

В мобильнике зависло длительное молчание, как вдруг он взорвался яростным воплем Воронцова:

– Да ты что, издеваешься надо мной?! Тебе что, официальных экспертиз мало?

– Я не сказал «экспертиз», я сказал – «проверки».

– Так проверяй же, проверяй!

– Но для этого надо лететь в Москву, а ты хорошо знаешь, что я туда не ходок.

– Ходок не ходок, – пробурчал Воронцов. – Приезжай ко мне, поговорим.

Сумев нарастить в свое время отцовский капитал, к тому же обладая определенным влиянием в среде русской эмиграции первой волны, точнее говоря, в кругу тех прямых потомков русских эмигрантов, без которых уже не представлялась как экономическая, так и политическая жизнь Америки, граф Воронцов еще в семидесятые годы приобрел вполне respectable недвижимость в «зеленом» пригороде Нью-Йорка, и пока Державин добирался на обновленном, светло-сером «Форде» до его особняка, он успел продумать и то предложение, которое уже заготовил для него скорый на руку Воронцов, и неоспоримые доводы, которые не позволяли очертя голову влезать в авантюрную, на его взгляд, сделку относительно доаукционного приобретения «Спаса».

Откровенно забытый к восемнадцатому веку, когда религиозная живопись взяла верх над иконописью, отрывочные упоминания о Рублеве начинают встречаться только в девятнадцатом веке, и даже в наиболее полном и авторитетном в то время Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона не найти имени Рублева. Интерес к нему начинает возвращаться чуть позже, вместе с интересом к иконе как таковой, чему, кстати говоря, способствовало коллекционирование икон старообрядцами.

Да, именно старообрядцами, так как поиски дониконовского письма пополнялись поисками икон знаменитых мастеров и прежде всего – Рублева. Коллекция считалась второсортной, если в ней не было хотя бы одной иконы Рублева.

Однако именно этот посыл, как это ни парадоксально, говорил в пользу «чистоты» «Спаса», которым в годы коллективизации советское правительство расплатилось с Арманом Хаммером за очередную партию сельхозтехники, поставленной в Россию.

Коллекция считалась второсортной, а это говорило в пользу того, что в годы революции и гражданской войны мог всплыть еще один и даже не один Рублев. Во многих старообрядческих «молельных» до сих пор живут легенды о принадлежности той или иной иконы кисти Рублева, которая была изъята чекистами.

«Да, все это так, – сам себе оппонировал Державин-скептик, – но при более поздней реставрации и атрибуции приписывающихся Рублеву икон они оказывались в лучшем случае иконами Московской школы шестнадцатого-семнадцатого веков».

«Положим, что бывало и такое, – не стал возражать Державин-романтик, – но именно приверженность всего старообрядчества к старым иконам и книгам именно в федосеевщине породила наилучших знатоков по иконографии. И именно федосеевцы владели истинными сокровищами по всем родам русской старины, включая и драгоценные иконы. И признанный авторитет по старообрядчеству Максимов пишет об уникальном случае, когда какому-то купцу из старообрядцев удалось скупить на корню весь иконостас древней церкви в Сольвычегодске, все иконы он продал потом в молельни старообрядческих общин от северных скитов до Москвы и Петербурга. И среди этих икон была икона Андрея Рублева. Причем это был девятнадцатый век. А «Спас», выставленный галереей «Джорджия», был передан Хаммеру в начале двадцатого века, то есть, все это лежит рядышком, и тому есть неопровержимое документальное подтверждение.

«Ну, положим, тот иконостас приобрел не какой-то там купец, – внес свои коррективы Державин-скептик, – а довольно известный в те времена собиратель старинных икон купец Папулин, к тому же эта находка – редчайшее исключение.»

«Пусть даже исключение, – хмыкнул Державин-романтик, – но почему бы подобному исключению не повториться еще разок-другой? И почему, собственно, вы, дорогой мой, исключаете возможность того, что кто-нибудь из комсомолят-чекистов, которые реквизируют в пользу государства богатейшие иконостасы северных монастырей и церквей, не наткнулся на Рублевского «Спаса», и именно этой иконе суждено было расплатиться с Хаммером?»

Прислушиваясь к доводам внутреннего оппонента, Державин скептически улыбнулся. Мол, воля ваша, сударь. Фантазируйте и предполагайте всё что угодно. Желаете найти еще одного Рублева? Желайте! Однако не надо возводить ваши желания до уровня научного факта. Это, простите меня за грубость, уже фальсификация.

«Но как же в таком случае «Спас», – привел последний довод Державин-романтик, – который ты только что видел своими собственными глазами, по которому проработал все сопроводительные документы и к которому у тебя нет ни одной зацепки?»

Уже поворачивая к особняку Воронцова, Державин скривился так, словно разболелись все зубы сразу. У него была на этот счет своя собственная версия, которую он не мог, к великому сожалению, рассказать даже своему другу, графу Воронцову. Эта версия, конечно, требовала самой тщательной проверки, но она была сопряжена с тайной государственной важности, которая уходила своими корнями в далекие тридцатые годы и которую, кроме него самого, могли знать еще три человека. Ольга Мансурова, которую он любил всю свою жизнь и из-за которой так и остался вечным холостяком, Лука Ушаков, с которым он работал когда-то в знаменитой Третьяковке, да его сын – Ефрем, который пишет свои иконы где-то под Сергиевом Посадом. Отработка этой версии требовала его личного присутствия в России, в столь любимой ему Москве, воспоминания о которой еще не иссякли в его памяти, но именно этого он и не мог себе позволить.

Воронцов уже ждал Державина, и как только тот выбрался из машины, произнес напористо, словно продолжил только что прерванный разговор:

– Ну так что? Надеюсь, надумал?

– Чего надумал?

– Лететь в Москву! – как о чем-то давным-давно решенном, произнес хозяин впечатляющей усадьбы с яблоневым садом, в глубине которого просматривался двухэтажный просторный дом с эркерами в оконных проемах.

– Слушай, Ларик, не дави на психику, – сморщился Державин, хотя и догадывался, что именно с этого вопроса начнется «выяснение отношений» с Воронцовым. – Я тебе уже говорил и повторяю опять: я в Москву не ходок. Во-первых, еще здравствуют те, кто выбросил меня из России, и они не очень-то будут рады моему появлению в Москве, а во-вторых...

– Твоя Ольга и дочь?

– Да, моя Ольга и дочь! И я поклялся ни-ко-гда не возвращаться в Россию, тем более, что она давным-давно вышла замуж за моего бывшего друга, а моя дочь – ты слышишь, моя дочь! – даже не подозревает, что ее отец – это я. Так что не обессудь. И давай-ка лучше выпьем.

– Что ж, – со скорбным вздохом произнес Воронцов, – может, ты и прав. Ты боишься встречи с той, кого давно потерял, а я боюсь, что не смогу выполнить последнее желание той, кого любил всю жизнь и кого уже не воротить.

Он уже шагнул было по дорожке в сторону дома, как вдруг обернулся и с пугающей тоской в голосе добавил:

– Ты же знаешь, без твоего заключения я не смогу разговаривать с Лазаревым о покупке Спаса. До аукциона осталось две недели, и я не уверен, что смогу обойти возможных конкурентов, если «Спас» будет выставлен на аукцион. Уж слишком большой ажиотаж вокруг этой иконы.

Какое-то время Воронцов шел молча, уставившись угрюмым взглядом в посыпанную золотистым песком дорожку, и уже у самого дома каким-то скулёжно-просящим шепотом произнес:

– Поверь, Игорь... это не прихоть. Просто я не вижу иного пути, чтобы вернуться с Анастасиюшкой в Россию.

Державин молчал, и он все так же негромко спросил:

– Ты что будешь пить: коньяк, водку, виски?

– Водку.

Вечером этого же дня Воронцов позвонил владельцу «Джорджии» и попросил отложить подписание протокола о продаже и покупке «Спаса» на две недели.

– Что, какие-нибудь проблемы? – насторожился Лазарев, которому, видимо, уже доложили о вторичной проработке документов по «Спасу» знатоком древнерусской иконописи Державиным и, что не менее важно, о его реакции во время посещения выставочного зала, где уже проходил проверку «на вшивость» бронированный стенд с установленной под пуленепробиваемый колпак иконой.

– Проблемы... но чисто финансового плана, – не очень-то охотно пояснил Воронцов. – И если бы ваша «Джорджия»...

– Конечно, подобные затяжки не в моих правилах, – перебил Воронцова Лазарев, – как вы сами понимаете, у меня есть и другие, помимо вас, предложения, но учитывая то, что вы решили вернуть Рублева России... Хорошо, я готов ждать.

* * *

От этого впору было сойти с ума.

Затихшее село уже затягивали густые вечерние сумерки, когда Ефрем Ушаков поднялся из-за рабочего стола, на котором доводил «до ума» деревянную заготовку под икону, разминая

затекшие ноги, прошел из конца в конец некогда просторной горницы, вдоль стен которой на широкой скамье и на стульях теснились иконы его собственного письма, включил все пять лампочек висевшей под сводчатым потолком люстры, из-за чего тут же проявились темные провалы не зашторенных окон, и... и почти сполз по стене на пол.

Прямо напротив него, в темном стекле оконного проема вдруг появился словно сотканный из воздуха Рублевский «Спас».

Ефрем зажмурил было глаза, с силой помотал головой, думая, не бредит ли он наяву, однако, когда открыл глаза, «Спас Вседержитель» продолжал «висеть» в оконном проеме.

Онемевший от этого видения и чувствуя, что у него запирает дыхание и подкашиваются ноги, Ефрем опустился на стул и только ртом хватал воздух, не в силах вымолвить ни слова. Только и смог, что осенить себя крестным знамением, то ли пытаясь отогнать это видение, то ли Бога благодарил, что и ему, скромному иконописцу и реставратору икон Ефрему Ушакову, снизошло нечто такое, о чем он и помышлять не мог.

«Спас» не исчезал, и, напрочь сраженный нерукотворным ликом Христа, Ефрем судорожно сглотнул, облизав пересохшие губы. Не в силах осмыслить происходящее, он пожирал глазами лик Спасителя, писанный Рублевым, и только повторял, с трудом ворочая языком:

– Господи! Владыка небесный...

Наконец что-то стронулось в его мозгах, в висках застучали сотни звонких колокольчиков, и он, уже выходя из первоначального шока, поверил увиденному.

То ли в самом окне между стеклами, которые добрая душа-соседка помыла перед Пасхой, то ли за оконным проемом, словно зависнув в сгущающихся сумерках, застыл тот самый лик «Спаса Вседержителя», каким его донес людям Андрей Рублев. И видению этому надо было бы радоваться, если бы не засохшие потеки крови под глазницами.

И от всего этого Ефрем вдруг почувствовал такой страх, что впору было криком кричать и бежать из дома, а он не мог даже с места сдвинуться, ловя открытым ртом спертый, настоящий запахами красок воздух иконописной мастерской.

Теперь, кажется, он не видел даже самого Лика, прикованный неподвижным взглядом к потекам крови под глазницами.

Почувствовал, как острой болью наполнилось левое предплечье. Стало страшно. С трудом подняв правую руку, он вновь осенил себя крестным знамением, однако видение не исчезало, и от этого вдруг его охватило паническое состояние.

Собрав в кулак всю свою волю и превозмогая боль в груди, глубоко вздохнул. Раз, второй, третий...

Когда немного полегчало, вновь поднял глаза на окно, надеясь, что видение исчезло, но Рублевский «Спас» все так же продолжал заполнять собой оконное пространство, с молчаливым укором взирая на иконописца.

В какой-то момент Ефрем начал осознавать свое состояние и понимая, что этак можно и умишком тронуться, заставил себя подняться и, сделать по направлению к окну шаг, второй... И в этот момент он скорее почувствовал, нежели увидел, как что-то изменилось в лике Христа. Ощущение было такое, будто дрогнули сотканные в красочное полотно нити воздуха, и Рублевский «Спас» растворился в воздухе так же неожиданно, как и появился в окне...

Часть I

Глава 1

Когда умирает далеко не старый и, казалось бы, совершенно здоровый мужчина, это всегда плохо. Но когда в престижной московской гостинице обнаруживают труп американского гражданина, это уже проблемы, по крайней мере для тех спецслужб, которые вынуждены заниматься этой смертью.

...Предъявив на входе удостоверение сотрудника ФСБ, Стогов поднялся на третий этаж гостиницы, в которой любили останавливаться далеко не бедные иностранцы, и, уже сопровождаемый дежурной по этажу, прошел в одноместный «люкс», в котором угораздило встретить свою смертушку несчастному американцу. Кивком головы поблагодарив взволнованную женщину, которая то ахала, то охала, всплескивая руками, Стогов прикрыл за собой дверь и оказался в довольно комфортном номере с дорогой мебелировкой, на Фоне которой явно не смотрелись собравшиеся здесь мужики. Причем явно озабоченные. К нему подошел плечистый обладатель весьма недешевого, в серую «елочку» костюма, в котором за три версты угадывался начальник гостиничной службы безопасности.

– Маканин. Павел Петрович.

И все! Более ни слова. Судя по всему, мужик был из «бывших», по каким-то причинам раньше положенного срока ушел в отставку, знал себе, любимому, цену, как знал цену и тем офицерам ФСБ, которых посылают «на труп».

Стогов только усмехнулся на это, да еще подумал было, не закрутить ли «господина секьюрити» по спирали, дабы впредь знал свое место на коврике, однако, вовремя вспомнив старую, как мир, истину о том дерьме, которое не будет вонять, если его не трогать, молча кивнул головой и прошел к стайке негромко беседующих мужиков, от которых тут же отделился Семен Головки, следователь Московской городской прокуратуры, с которым Стогову уже приходилось встречаться раньше.

– Андрей? Привет! – расцвел в улыбке Головки. – Вот уж не думал встретить тебя здесь. Кстати, майора еще не присвоили? А то бы и обмыть можно было.

Стогов на это только руками развел. Мол, не обессудь, братэлло, в капитанах ходим.

– Жаль! – вздохнул Головки. – А то у меня после воскресного уик-энда голова... как дивизионный котел. Что-то кипит и булькает, а что именно – не понять, сплошной пар да туман.

– Так опохмелился бы, – подал мудрый совет Стогов.

Голубые глаза следователя наполнились невыразимой собачьей тоской.

– Не могу в одинаре. К тому же этот трупак...

И он безнадежно махнул рукой в сторону открытой двери, которая вела в спальню. Издал обреченный вздох и, видимо, окончательно решив не начинать новую рабочую неделю с утренней опохмелки, которая, как известно, еще никого до добра не довела, тусклым голосом поинтересовался:

– Ты уже в курсе, что за жмурик подпортил мне этот день?

– Весьма приблизительно.

– В таком случае даю вводные. Державин Игорь Мстиславович, шестьдесят пять лет. Прибыл в Москву вечером в субботу нью-йоркским рейсом. Сразу же поселился в этой гостинице и...

И Головки развел руками. Мол, хоть человек и царь природы, а от судьбы все равно никуда не уйдешь.

Стогов удивленно цокнул языком:

– Игорь Мстиславович... Подобное сочетание даже в России не часто встретишь, а тут вдруг – американец. Круто!

– Так это он всего лишь тридцать лет как американцем стал, – внес поправку Головка. – Эмигрировал из Советского Союза в семьдесят шестом.

– И помирать, выходит, в Россию прилетел? – не удержался, чтобы не съязвить Стогов.

– Ну, насчет «помирать в России» это еще бабушка надвое сказала, а вот насчет всего остального...

– Что-то не так? – насторожился Стогов.

– Будем посмотреть, как говаривали когда-то мои учителя. Однако предварительный диагноз – острая сердечная недостаточность, и как результат – внезапная остановка сердца.

Диагноз привычный и довольно распространенный. А если учесть к тому же, что бывший советский гражданин Державин далеко не мальчик и, видимо, не спортсмен с хорошо тренированным сердцем, к тому же человек совершил столь длительный перелет, что тоже не прибавляет здоровья... Короче, истосковался мужик по брошенной когда-то родине, прилетел в красавицу-Москву, встретился на радостях с друзьями, а сердечко, поди, уже пошаливало...

И все-таки как бы вскользь брошенные слова следователя не могли не насторожить.

– И все-таки?.. Что, просматривается какой-то криминал?

– Да как тебе сказать... – пожал плечами Головка. – Смерть как смерть, лучшей для человека не придумать, и в то же время... В общем, стал опрашивать сотрудников гостиницы, и когда очередь дошла до дежурной по этажу, которая работала в ту смену и могла хоть что-то сказать о нашем клиенте, то выяснилось, что ей вдруг стало плохо и ее на «скорой» увезли в Кардиологический центр.

– И что с того? С местными «секьюрити» пообщаешься, – не упустил своего момента Стогов, – так тебе не только плохо станет, тебя в психушку увезут.

– Возможно, что и так. Однако бабенку эту увезли не в психушку, а в Кардиологический центр, а это о чем-то говорит.

– Инфаркт?

– Пока что никто ничего толком не знает, но что-то около этого.

– Так, может, она из-за смерти нашего клиента перенервничала?

Головка отрицательно качнул головой:

– Исключается. «Скорую» вызвали в шесть утра, еще до того, как обнаружили труп в номере.

– Может, возраст? – пытаюсь зацепиться за последнюю «спасительную соломинку», предположил Стогов, для которого версия насильственной смерти бывшего соотечественника была равносильна той боли, которую мог бы испытать барственно-вальяжный домашний кот, которому прищемили яйца дверью.

И снова следователь вынужден был огорчить капитана ФСБ:

– В том-то и дело, что молодая и, если верить словам ее сменщицы, совершенно здоровая бабенка. А это, как сам догадываешься, уже информация для размышления.

– И все-таки, – поморщился Стогов, – может, простое совпадение?

– Дай-то Бог! Не только я уже не верю в подобные «совпадения». Чему и учителя мои учили.

Учителя капитана ФСБ Стогова также предупреждали его об опасности подобных совпадений, и он, уже догадываясь, что предстоящий день обещает массу неприятностей, кивнул на дверь спальни:

– Кто обнаружил труп?

– Коридорная. Я уже опросил ее.

– И что показала?

– Входная дверь и та, которая ведет в спальню, были приоткрыты. Она подумала, что вселившийся в этот люкс американец уже встал, и постучала, чтобы прибраться в номере. Однако никто не отозвался, и она приоткрыла дверь. Окликнула хозяина номера, но так как вновь никто не отозвался, она прошла в спальню. Ну а там...

Картина была простой и понятной, если бы все карты не путала дежурная по этажу, которую угораздило именно в это утро вызвать «скорую» с жалобами на сердце.

– В посольство звонили?

– Само собой. Обещались с минуты на минуту приехать.

– Тогда, может, с господином Державиным познакомишь? – кисло улыбнувшись, предложил Стогов.

– Пошли.

Прикрытый белоснежной простышкой, Державин лежал на широченной кровати в той же позе, в которой его застала смерть, и видно было, что последние минуты его жизни были не столь уж легкими, как хотелось бы думать. Посеревшее, заострившееся лицо, на котором запечатлелась маска боли, правая рука на левой стороне груди... Судя по всему, он пытался массировать сердце, правда, непонятно было, почему он не обратился за помощью. Возможно, понадеялся на валидол, вскрытая пачка с которым лежала на тумбочке рядом с кроватью.

М-да, вот уж верно говорят в народе, что судьба играет человеком, а человек играет на трубе. Вот и господин Державин радовался, когда летел в Москву, предвкушая встречу с оставшимися здесь друзьями, а вышло... Как говорится, думали о том, как лучше, а вышло как всегда.

Стогов остановился взглядом на лице покойника и невольно подумал о том, что дед этого человека, давший своему сыну столь редкое имя – Мстислав, мог в свое время опасаться своего происхождения. В его прямом потомке чувствовалось благородство кровей, которые шли от какого-то старинного русского рода, да и фамилия говорила о многом – Державин. И в общем-то неудивительно, что этот Державин свалил из СССР сразу же, как только представилась возможность.

– Цель его приезда в Москву, естественно, не известна? – то ли спросил, то ли сам для себя уточнил Стогов.

– Я же говорил тебе: ждем представителя посольства. Надеюсь, он что-нибудь прояснит. По крайней мере, этот номер был бронирован через американское посольство.

Головко хотел было добавить еще что-то, но в этот момент хлопнула входная дверь, послышался хорошо поставленный голос начальника службы безопасности, и Головко негромко произнес:

– Если не ошибаюсь, наш америкос пожаловал.

Следователь не ошибался. В дверном проеме нарисовался костюм в серую «елочку», следом за ним в спальню прошел высокий рыжеволосый мужчина лет сорока, на удлинённом лице которого можно было прочесть положенную в подобных случаях скорбь и занятость делового человека одновременно. Представив Стогова и следователя прокуратуры, Маканин счел нужным назвать и американца:

– Господин Хиллман.

– Артур Хиллман, – посчитал нужным поправить Маканина американец и скорбно вздохнул, всматриваясь в лицо покойника.

– Вы его знали? – спросил Стогов.

Хиллман отрицательно качнул головой.

– Лично не знал. Хотя и был предупрежден о его приезде. Американец говорил без малейшего акцента, и это невозможно было не заметить.

– Кто его встречал в аэропорту?

– Моя помощница и шофер. Они же его и в гостиницу привезли.

– Что, настолько важная персона? – заинтересовался Головка, неплохо знакомый с теми порядками, что были установлены в американском посольстве. Машина и сопровождающая предназначались далеко не каждому.

Хиллман перевел взгляд на следователя прокуратуры, который неизвестно зачем задал этот не очень-то корректный вопрос. В его глазах читался вопрос, полный немой укоризны: «Умер далеко немолодой человек. Умер своей смертью, в гостиничном номере, в постели. Так при чем здесь, простите, важность его персоны?» Однако он счел за лучшее не вступать в перепалку.

– Я не могу сказать точно, насколько весом был господин Державин в Америке, однако насчет него звонил граф Воронцов, один из столпов русской эмиграции, и вот он-то и попросил меня позаботиться о его очень близком друге.

– А что-нибудь еще, кроме «друга»? – не отставал Головка, чем вызвал откровенную неприязнь на лице Маканина.

Однако Артур Хиллман оставался по-прежнему уравновешенно-спокойным; сплошная любезность. Видимо, вспомнились полицейские порядки в его родной Америке, и на этом фоне вопросы следователя московской прокуратуры могли показаться ему безобидно-детскими.

– Что еще кроме «друга»? – как бы сам про себя произнес Хиллман. – Ну-у, пока что мне известно немного, но могу сказать точно, что ваш бывший соотечественник являлся ведущим экспертом по искусству. В Америке, естественно.

Последнюю фразу, очень коротенькую, но довольно емкую, он произнес с едва скрывае-мой издевкой в голосе, и на это не мог не обратить внимание Стогов.

– Что ж, – развел он руками, – все лучшее – друзьям.

Премудрый Хиллман только усмехнулся уголками губ. Это уж точно: мы вам – демокра-тию и «ножки Буша», вы нам – своих лучших специалистов. Бартер!

– Выходит, поездка предполагалась деловая?

– Да какая разница! – неожиданно взвился Маканин, не в силах, видимо, сдержать край-него презрения и удивления, вызванного профессиональной бестактностью следователя. – Был ли это частный визит, деловая поездка или ностальгическое возвращение на родину? Умер человек! И наша обязанность, наш долг в конце концов...

– О долге и обязанностях мы с вами чуток попозжей поговорим, – осадил не в меру ретивого секьюрити Головка, – а пока что я хотел бы знать, с какой целью господин Державин прилетел в Москву.

– Ну, знаете!.. – до корней волос покраснел Маканин, с которым, видимо, давно уже никто не разговаривал в подобном тоне. Да еще в присутствии сотрудника американского посольства! Впрочем, и его, служивого, можно было понять.

Он повернулся лицом к Хиллману, как бы говоря тем самым, что воля ваша – можете отвечать, а можете и послать куда-нибудь подальше этого следователя с его дурацкими вопро-сами, однако вышколенный профессионал Хиллман посчитал вопрос следователя вполне уместным.

– Да, – утвердительно кивнул он аккуратно подстриженными рыжими вихрами. – Поездка действительно предполагалась деловая, видимо, связанная с очередной экспертизой какой-либо иконы или картины, хотя утверждать этого я не могу.

В этот момент в дверном проеме выросла фигура врача, констатировавшего смерть Дер-жавина.

– Ну что, можно увозить? – спросил он, многозначительно постучав указательным паль-цем по циферблату наручных часов.

Получив утвердительный ответ, он кивнул двум санитарам, что скучали на небольшом диванчике, и те, профессионально перевалив тело покойника с кровати на носилки, двинулись к выходу.

– О Боже! – пробормотал вслед Маканин, и его тоже можно было понять.

– У вас еще будут ко мне вопросы? – спросил Хиллман, обращаясь к следователю. – А то, как сами понимаете...

И он точно так же, как это проделал врач, постучал пальцем по массивному корпусу дорогих часов.

Еще несколько минут ... Чистая формальность.

– Осмотр вещей? – догадался Хиллман.

– Да. И желательно в вашем присутствии.

На осмотр довольно вместительного кожаного чемодана на колесиках и багажной сумки Державина ушло не более получаса, и когда все было закончено, Головки негромко произнес, выкладывая на журнальный столик совершенно новую, видимо купленную специально для этой поездки записную книжку, в которой было всего лишь несколько записей, и папку с какими-то бумагами и фотографиями одной-единственной иконы с ликом Христа.

– Господин Хиллман, надеюсь, вы не будете против, если эту папочку и записную книжку я на какое-то время возьму с собой? Хотя бы до окончательного установления истинной причины смерти господина Державина.

– Я не по-ни-маю! – буквально застонал Маканин, злыми глазами уставившись на Головки. – О каком еще, к черту, «установлении истинной причины смерти» может идти речь, когда и так все ясно?

– Ну, ежели вам все ясно, – хмыкнул Головки, – то я перед вами, дорогой мой, только шляпу могу снять.

– Но ведь есть же заключение врача! – не сдавался начальник службы безопасности, отстаивая незапятнанную репутацию своей гостиницы.

– Предварительное заключение, – осадил Маканина Стогов, которому, откровенно говоря, и самому не очень-то нравился весь этот сыр-бор вокруг смерти российского эмигранта.

– Неужели есть основания сомневаться в чем-то? – поддержал Маканина Хиллман, мельком просмотрев содержимое светло-коричневой папки из тонкой кожи.

– Упаси Бог! – совершенно искренне заверил его Головки. – Но, как сами понимаете, порядок есть порядок.

Когда все формальности были утрясены и Хиллман в сопровождении извиняющегося Маканина покинул номер, Стогов спросил, кисло улыбнувшись:

– Ты что, действительно думаешь, что здесь может быть какой-то криминал?

Головки на это только вздохнул да руками развел, проговорив привычное:

– Вскрытие покажет.

Глава 2

Апрель в Нью-Йорке тот самый месяц, когда тысячи любителей здорового образа жизни высыпают по утрам на авеню и стриты, свято веруя в то, что бег трусцой поможет убежать от инфаркта, и когда семидесятилетний граф Воронцов еще до завтрака затребовал рюмку водки, вместо того чтобы взять на поводок престарелую гончую да пробежаться с ней по привычному маршруту, прислуживающий камердинер, бог знает с каких пор осевший в доме Воронцовых, даже рот приоткрыл в изумлении.

Иларион Владимирович... – выдал он из себя, надеясь в душе, что ослышался и граф попросит вместо водки стакан апельсинового сока.

Ты что, не понял? – повысил голос обычно сдержанный Воронцов.

Американизированный потомок кубанского казака, ушедшего с остатками барона Врангеля из большевистской России, недоуменно пожал плечами. Водочка с утра – подобную роскошь могла себе позволить только безлошадная шелупонь, с хлеба на квас перебивающаяся в бедняцких районах Нью-Йорка да еще, пожалуй, на Брайтоне. Но чтобы русский граф, миллионер Воронцов мог опуститься до подобного... Это уже полная хренотень, как говаривал когда-то его папашка-неудачник, так и не сумевший выкарабкаться из российско-американской нищеты. Однако не посмеяв перечить графу, Степан многозначительно откашлялся и с долей язвинки в голосе уточнил:

– Вам со слезой прикажете или, может, из бара?

Воронцов уничтожающим взглядом покосился на оплывшего в плечах слугу, и тому, бедолаге, ничего не оставалось, как ретироваться на кухню, в холодильнике держались запасы уже годной к потреблению «Столичной».

Вернувшись в кабинет хозяина с подносом в руках, на котором кроме наполненного лафетничка красовалась еще и тарелочка с разрезанным на две половинки огурцом, Степан все-таки не вынес угнетающе мучительного ощущения от дикости начинающегося утра и как бы ненароком спросил:

– Случилось чего?

Поставив пустой лафетник на поднос, Воронцов хрумкнул половинкой огурца и только после этого покосился на скорбно стоявшего Степана, вид у которого был такой, будто он только что наложил в штаны и теперь не знал, что ему делать: то ли в ванную бежать, то ли на толчок рваться.

– Случилось.

– Надеюсь, не очередной обвал? – высказал предположение Степан, более всего опасавшийся финансовых крахов.

Воронцов невольно поморщился. Однако водка уже прошла по груди, торкнулась в голову, и он, расслабляясь, уже более мягко произнес:

– Державин умер. В Москве. Только что из посольства звонили, спрашивали, какие будут распоряжения.

Степан не смог скрыть облегченного вздоха. Столько народу умирает вокруг, русским уже места на кладбище не хватает, а тут... Державин умер! Тоже мне, личность. Было бы из-за чего водку по утрам хлестать.

Однако надо было что-то говорить, может быть, даже языком поцокать, уподобляясь горю хозяина, но единственное, что смог выдать из себя старый камердинер, так это возмущенно прокомментировать:

– Так он же здоровым улетал! С чего умирать-то?

– Вот и я о том же, – согласился с ним Воронцов. – Из Нью-Йорка улетал здоровым, а как только в Москву прилетел...

И он безнадежно махнул рукой.

– А от чего умер-то? – поинтересовался Степан.

– Вроде бы как инфаркт. По крайней мере Хиллману именно так сказали.

– Это серьезно, – констатировал Степан. – У моего отца тоже сердечко не выдержало.

Инфаркт миокарда. Ему тогда едва за шестьдесят перевалило.

Вздыхнул скорбно и с той же скорбью в голосе добавил:

– Видать, судьбинушка у русских такая.

Воронцов покосился на своего камердинера. За все годы, что он прожил в его доме, ни разу не слышал от него жалоб или стонов относительно судьбы РУССКОГО эмигранта в Америке, а тут вдруг... «судьбинушка такая». И отчего-то неприятно-колючим холодком прошлось под сердцем.

– Так он вроде бы попивал неплохо, папашка твой, – резонно заметил Воронцов. – К тому же Игорь не в Америке умер, а в России.

Видимо сообразивший, что он ляпнул лишка, Степан решил не вдаваться в опасные глубины дискуссии относительно судьбы русского эмигранта в Америке, однако все-таки не выдержал обидного для него упрека в адрес своего родителя и, уже стоя на пороге кабинета, угрюмо заметил:

– Игорь Мстиславович тоже попивал неплохо. Так что судить, кто от чего помер...

И вышел, с обидчивой аккуратностью прикрыв за собой дверь. Оставшись в кабинете один и начиная осознавать, что ни за понюшку табака обидел преданного человека, без которого он уже не представлял свою жизнь с тех самых пор, как в мир иной отошла его Анастасия, Воронцов расстроился еще больше и, уже поддаваясь какой-то внутренней потребности, прошел к бару, в котором было буквально всё, кроме русской водки «со слезой». Чертыхнувшись относительно «поганого вкуса» американцев, налил в высокий хрустальный бокал немного виски, к которому ни он не смог привыкнуть, ни старый граф Воронцов, сумевший оставить сыну начальный капитал в золоте и бриллиантах, добавил немного содовой и уже со стаканом в руке вернулся к столу. Пригубил немного виски и, уже не в силах сдерживать рвущиеся наружу чувства, зажал голову ладонями и едва ли не простонал:

– Ах Игорь, Игорь! Зачем же ты так?!

Впрочем, он и сам не смог бы сказать, в чем именно виноват Державин, умудрившийся скоропостижно умереть в далекой России, тогда как именно сейчас он был нужен ему более всего.

А может быть, давило чувство собственной вины за столь неожиданную смерть Державина? Ведь он не хотел, не хотел лететь в Москву, и только его настоятельная просьба заставила Державина пойти на этот шаг.

Впрочем, сам себя успокаивал Воронцов, отхлебнув из стакана еще один глоток виски, почему, собственно говоря, он винит себя в том, что уговорил Игоря на эту поездку? Да, Державин не очень-то рвался в российскую столицу, где у него врагов было столько, что хватило бы с избытком на всю русскую иммиграцию, в то же время в Москве жила его дочь, которую он ни разу не видел и к которой рвался всей душой – это Воронцов знал точно. И, когда решился вопрос о двухнедельной командировке Державина в Москву, он хорошо помнил, как засветились его глаза. И все то, что он говорил относительно нежелательности появления его персоны в среде московских искусствоведов, в общем-то было напускным и не столь значимым по сравнению с тем фактом, что он наконец-то сможет увидеть свою дочь и ее мать, женщину, которую Державин продолжал любить всю свою жизнь.

Горестно вздохнув и еще раз вспомнив свою ненаглядную «графинюшку», Воронцов потянулся было за бокалом с виски, однако, прежде чем выпить оставшееся «пойло», как величал он этот напиток, решил прозвониться в нотариальную контору Марка Натансона, услугами которой он пользовался уже четверть века и куда когда-то он привел Державина.

Когда в трубке послышался знакомый голос, чем-то похожий на приглушенное и в то же время требовательное бормотание осатаневшего от своей значимости попугая, на который можно было бы и обидеться, если бы Воронцов уже сто лет не знал этого шестидесятилетнего еврея, голову которого некогда украшала пышная, темно-каштановая курчавая шапка, а теперь венчали только жиденькие островки седых волос.

– Ларик? Рад тебя слышать, – засвидетельствовал свое почтение Натансон, выдавая свое истинное происхождение тем самым акцентом, без которого не могут обойтись бывшие одеситы, даже прожившие в Америке едва ли не всю свою жизнь.

– Рад и я тебя слышать, Марк, – отозвался Воронцов, для которого Натансон уже давно превратился из опытного юриста и владельца нотариальной конторы в доброго, хорошего товарища, на которого можно было не только положиться в трудный момент, но и поплакаться порой в жилетку. – Не занят, случаем?

– Для тебя я всегда свободен, – хмыкнул в трубку Натансон, видимо почувствовав в голосе Воронцова скорбные нотки: – Случилось что?

Воронцов вдруг осознал, насколько трудно будет произнести то, что он должен сказать Натансону. Словно последний гвоздь заколачивал в гроб близкого ему человека:

– Игорь умер. Державин.

Пауза, которая могла бы сказать больше многих слов, и наконец всё то же гортанно-крикливое:

– Но он же... всего лишь три дня назад... Это не утка, случайно?

«Какая на хрен утка!» – едва сдержался, чтобы не выругаться Воронцов.

– Из посольства звонили. Так что, сам понимаешь, никакой дезы быть не может.

– Это уж точно, – скорбным голосом согласился с графом Натансон. – Эти люди шутить не умеют. Ох же мама моя, мамочка!

Он оборвал свои причитания, которые могли длиться бог знает сколько, и с какой-то остервенелой настырностью в голосе спросил:

– А ты уверен, что он умер? Не убили, случаем?

– Типун тебе на язык! – едва не поперхнулся Воронцов. Хотел было сказать, что сейчас не тридцать седьмой год, когда в России шлепали направо и налево, и не та, мол, Игорь Державин фигура, чтобы из-за него международный скандал разгорелся, однако вместо этого только пробормотал в трубку: – Мне Хиллман звонил, а ему скрывать нечего. Умер Игорь, умер! Острая сердечная недостаточность.

Однако Натансона словно заклинило на своей догадке.

– Шутить, может, они действительно не умеют, однако насчет того, чтобы лапши на уши навесить да выдать черное за белое – на это дело мастаки. И то, что Игорь взял да ни с того ни с сего Богу душу отдал в затраханной Москве... не очень-то мне верится в это.

«Ишь ты, евреи хренов! – обиделся за Россию Воронцов. – Москва для него затраханной стала».

Он уж хотел было посадить на задницу зарвавшегося Натансона, которого еще мальчонкой сопливым вывезли из Одессы и которому всю жизнь впаривали, что все еврейские беды – от большевистской России, которую сами же сделали таковой, но вовремя подумал, что сейчас не время и не место для подобных дискуссий, и на всякий случай спросил:

– С чего это вдруг тебя на убийство понесло? Говорят же тебе, умер человек!

– А с чего бы ему умирать? – вопросом на вопрос ответил Натансон. – Жил не тужил мужик, да и шесть десятков – это не тот возраст, когда о душе начинают думать.

– Ну, это, положим, кому как повезет, – хмуро отозвался Воронцов, вспомнив свою «графинюшку».

– К тому же ты сам знаешь, что он не хотел ехать в Россию, – крикливым бормотанием, при котором он как бы глотал окончания слов, оборвал Воронцова Натансон. – Не хотел! И

поверь мне, я его хорошо понимал. И когда он попросил меня помочь ему составить завещание...

– Чего-чего? – не понял Воронцов. – Какое еще завещание? Он что, был у тебя перед отлетом?

– А ты что, не знал? – в свою очередь удивился Натансон.

– Знал бы, не спрашивал.

– Конечно был! – как о чем-то само собой разумеющемся подтвердил Натансон и вновь не смог сдержать своих чувств по отношению к бывшей родине: – Все-таки в Россию летел, а не в джунгли Новой Гвинеи. И как видишь, будто в воду смотрел, когда завещание составлял.

Последние слова он произнес с интонацией всемирного укора для тех дурачков волны первой эмиграции, кто по чисто русской наивности еще верит в то, что что-то могло измениться в якобы новой России.

– И поверь мне, граф, если тебя начали гноить, тебя будут гноить при всех режимах, будь там президентом хоть Сталин, хоть Брежнев, хоть нынешний Медведев.

– Ладно, старый хрен, об этом мы с тобой потом потолкуем, – отозвался Воронцов, которому не очень-то нравились нападки на ту Россию, в которой мечтала быть похороненной его «графинюшка». – Ты лучше мне скажи, что это за завещание такое?

– Не по телефону. Единственное, что могу сказать, так это то, что всё свое состояние он завещал двум женщинам в России. Его дочь и вроде бы как его несостоявшаяся жена.

– Злата и Ольга Мансуровы?

– Ну вот, ты и сам все знаешь. И еще вот что, – пробубнил Натансон, – я бы на твоём месте нанял приличного детектива и отправил его в Москву. Уверю тебя: нечисто все это. В общем, приезжай, жду!

Не очень-то верил в естественную смерть известного на весь мир эксперта по искусству и следователь Следственного управления при Московской городской прокуратуре Семен Головки. Правда, тому были свои причины: столь же внезапный, как и смерть Державина, сердечный приступ дежурной по этажу, которая, как удалось выяснить Семену, никогда до этого дня не жаловалась на сердце. И как только ему разрешили переговорить с ней...

Припарковавшись на парковочной площадке Кардиологического центра, куда была доставлена Зинаида Афонова, Головки поднялся на третий этаж больничного корпуса, и лечащий врач буквально в двух словах обрисовал ему общее состояние больной.

Оклемалась девушка. Да и то только потому, что портье гостиницы срочно вызвал «скорую» и ее доставили «куда надо, а не в коридор какой-нибудь больнички». На данный момент ее состоянию ЗДОРОВЬЯ уже ничто не угрожает, но покой, само собой, необходим. Короче говоря, больную нельзя волновать, тем более травмировать острыми вопросами, что и было Семеном клятвенно обещано.

Судя по растерянной улыбке дежурной по этажу, которая последней видела Державина живым, она уже была предупреждена о приходе следователя и теперь, видимо, гадала, с чего бы это ее скромной личностью заинтересовался этот высокий голубоглазый блондин.

Головки не стал тянуть время, как, впрочем, не очень-то спешил и раскрываться перед Афоной. Только учтиво представился да сказал еще, чтобы она не волновалась особо, так как к ней лично у него нет никаких претензий.

Кажется, сработало. По крайней мере в ее взгляде уже не было прежней тревоги и напряженности.

Присев на краешек стула, что стоял подле кровати, Головки спросил участливо:

– Как вы себя чувствуете? Может, я не вовремя?

– Да нет, что вы! – спохватилась Зинаида. – Сейчас уже все нормально, но ночью... когда мне стало плохо... Честно говоря, испугалась даже.

– Хорошо еще, что догадались «скорую» вызвать, – посочувствовал ей Головкин, – а не занимались самолечением. Кстати, это у вас впервые так?

– Да в том-то и дело, что ничего подобного не случилось, – с искренним возмущением произнесла Афонина. – Даже сердечко никогда не пошаливало, а тут вдруг...

Она тяжело вздохнула, видимо припоминая тот приступ боли, который привел ее в Кардиологический центр, и с долей чисто женского участия в голосе произнесла:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.